MORPHOLOGY OF BODY AND CORPORALITY IN PORN: IDEOLOGIZATION OF BODY, OR HOW BODIES STARTED TO SPEAK IN RUSSIAN

Maksym W. Kyrchanoff (a)

(a) Voronezh State University. Voronezh, Russia. Email: maksymkyrchanoff[at]gmail.com

Abstract

The author analyses the problems of changes in the representation of the body and the metamorphosis of corporeality in porn as a segment of the modern mass culture of the consumer society. The analysis of social mutations and cultural transformations of the body and corporeality in the porn discourse of pop culture is the main goal of the article. Methodologically, the author, on the one hand, uses the provisions of the comparative typological method proposed by Vladimir Propp. On the other hand, the text goes back to the structuralist concepts of Pjotr Bogatyrjov, proposed by him for the folklore comparative studies. Therefore, porn is defined and analysed as a form of folklore of the consumer society and mass culture. The author projects four features of the fairy tale, formulated by Vladimir Propp, into those cultural spaces where porn discourse dominates in the modern consumer society. The author analyses how “dumb” (or “silent”) corporeality in porn culture mutated and became “talking”. The author analyses the problems of combination and coexistence of corporeality and verbality in the modern Russian porn discourse. The author studies how the “body” in the porn segment of mass culture began to speak Russian, analysing why the political “message” of Russian “bodies” mutates inevitably into corporeality, returning to it constantly. The author also analyses the cultural contexts and the backgrounds of the body representativeness in modern Russian porn discourse. The author analyses interdependence of corporeality and political language, which the “body” uses in individual and collective contexts.

Keywords

porn; body; corporality; Russian porn; Russian language; porn as a structure; porn as a modern analogue of the “fairy tale”; body functions; act; political speech as a function of the body

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

МОРФОЛОГИЯ ТЕЛА И ТЕЛЕСНОСТИ В ПОРНО: ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ ТЕЛЕСНОСТИ, ИЛИ КАК ТЕЛА ЗАГОВОРИЛИ ПО-РУССКИ

Кирчанов Максим Валерьевич (а)

(а) Воронежский государственный университет. Воронеж, Россия.
Email: maksymkyrchanoff[at]gmail.com

Аннотация

Автор анализирует проблемы изменений представленности тела и метаморфозы телесности в порно как сегменте современной массовой культуры общества потребления. Анализ социальных мутаций и культурных трансформаций тела и телесности в порнодискурсе поп-культуры является основной целью статьи. Методологически автор, с одной стороны, использует положения сравнительно-типологического метода, предложенного Владимиром Проппом. С другой стороны, текст восходит к структуралистским концепциям Петра Богатырёва, предложенные им для изучения фольклора. Поэтому порно определяется и анализируется как проявление и форма фольклора общества потребления и массовой культуры. Автор проецирует четыре особенности волшебной сказки, сформулированные Владимиром Проппом, в те культурные пространства, где порнодискурс доминирует в современном обществе потребления. Автор анализирует как «немая» телесность в порно-культуре мутировала, став «говорящей». Анализируются проблемы сочетания и сосуществования телесности и вербальности в современном российском порнодискурсе. Автор изучает, как «тело» в порно-сегменте массовой культуры начало говорить по-русски, анализируя почему политический «месседж» неизбежно мутирует до телесности, постоянно возвращаясь к ней. Автор анализирует также культурные контексты и основания репрезентативности тела в современном российском порнодискурсе. Анализируются проблемы взаимозависимости телесности и политического языка, который использует «тело» в индивидуальном и коллективном контекстах.

Ключевые слова

порно; тело; телесность; русское порно; российский язык; порно как структура; порно как современный аналог «волшебной сказки»; функции тела; акт; политическая речь как функция тела

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Новейшую историю массовой культуры и ее функционирование в современном обществе потребления, вероятно, невозможно представить без порно, которое успело стать ее стабильным сегментом, формирующим свои собственные уникальные субкультуры. Порно в российской и зарубежной массовой культуре развивалось параллельно и, если на Западе генезис порнодискурса был связан с местными культурными и интеллектуальными традициями, которые существовали и функционировали в условиях непрерывности и континуитета, то порно в российской, советской и постсоветской массовой культуре развивалось дискретно.

Поэтому история порно-сегмента в российской массовой культуре стала историей лакун и провалов, разрывов и отсутствия преемственности и непрерывности с более ранними культурными традициями. Несмотря на то, что в современных междисциплинарных культуральных штудиях единого определения феномена «порно» и порно как культурного явления, оно, с одной стороны, существует и функционирует независимо от академического сообщества, сфокусированного на его изучении, а, с другой, окружено ореолом негативных мифов, культивируемых его критиками – от представителей религиозных групп до активистов феминизма (Батлер, 2003).

Большинство претензий критиков порно сводятся к тому, что порнографический дискурс в массовой культуре является аморальным, транслируя не только обнаженное тело (Ярошовец, 2005), но и непосредственно половой акт / половые акты, совершаемый / совершаемые двумя и / или более «телами». В целом, порно ассоциируется именно с телесностью, за излишнее внимание к которой и ее гипертрофированно реалистическое изображение и воспроизведение, порнографический дискурс в современной массовой культуре подвергается стабильной критике.

Действительно, порнодискурс может быть описан и проанализирован в категориях телесности, но современное порно не ограничивается только и исключительно демонстрацией обнаженного тела и полового акта, в котором «тело» / «тела» участвуют (Логвиненко, 2016). В свою очередь, тело обрело свою уникальную историю (Laqueur, 1990), а исторический опыт визуализации тела и репрезентации телесности в различных культурах мог существенно различаться. На протяжении длительного времени порно было

оплотом телесности в современной массовой культуре, а «тела-герои» или тела героев в порно-фильмах 1980–1990-х годов практически не говорили или говорили очень мало. Если «тело» и говорило, то его речевые навыки были минимальны. Кроме этого порнодискурс до 2010-х годов с точки зрения русской лингвистической культуры был «немым», чужим или другим от того, что порно не говорило по-русски. В 2010-е годы, в контекстах растущей глобализации массовой культуры и ее углубляющейся виртуализации, ситуация начала меняться.

Развитие интернета, социальных сетей и технологический прогресс стали теми факторами, которые размывали профессиональное и коммерческое порно, позволив отдельным пользователям самостоятельно загружать свои видео в сеть. Таким образом, порно становилось более разнообразным и гетерогенным, что фактически стимулировало обретение порнодискурсом новых языков, включая русский. Тело в порнографическом дискурсе перестает быть просто биологическим объектом и немым телом, начиная коммуницировать с партнером / партнерами в частности и обществом в целом.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ СТАТЬИ

В центре авторского внимания в представленной статье будут проблемы телесности как вербальности и вербальности как телесности в современном российском порнографическом дискурсе. Целью статьи является анализ того многоуровневого процесса культурных изменений, мутаций и трансформаций, которые привели к тому, что тело / тела героя / героев в порно дискурсе актуализировали не только искусственно и намеренно визуализированную и подчеркнутую привлекательность тела, но и то, как раннее немые и условно «молчащие» тела начали говорить. Автор считает необходимым указать и на то, что в центре внимания этой статьи – преимущественно феминная телесность в контекстах традиционного гетеросексуального порно в то время, как другие аспекты этой проблематики, включая гей-телесность и маскулинность, нашли свое отражение в историографии (Duggan & McCreary, 2004; Hald, Smolenski, & Rosser, 2013).

Исходя из этой цели, данная статья преследует несколько задач, включая:

1) изучение вербализации тела и телесности через призму теоретических подходов, предложенных Владимиром Проппом и

Петром Богатырёвым для анализа фольклорных явлений традиционной домодерной культуры;

2) анализ специфики визуальной представленности тела / тел в контекстах современного российского порнодискурса;

3) рассмотрение вербализации телесности с последующим анализом устного меседжа (сообщения) тела.

МЕТОДОЛОГИЯ

Теоретически и методологически данная статья опирается на идеи, предложенные и концептуально систематизированные двумя российскими историками и культурологами – Владимиром Проппом (1895–1970) и Петром Богатырёвым (1893–1971) – предложившими структурно(структурально)-типологические интерпретации форм традиционной, архаичной и домодерной, народной культуры. Автор полагает, что концептуально эти идеи могут быть трансплантированы в изучение порно – современной формы народной культуры, которая содержательно связана с культурой традиционного общества, отличаясь от нее лишь техническими формами и визуальными средствами репрезентации.

ВЛАДИМИР ПРОПП: ОТ МОРФОЛОГИИ СКАЗКИ К МОРФОЛОГИИ ТЕЛА В ПОРНО

Владимир Пропп в своих классических текстах (Пропп, 2000; 1928), сфокусированных на анализе структуры сказки, особое внимание уделил ее морфологии, указывая на важность анализа отдельных составных элементов, формирующих структуру этого нарратива. Поэтому, трансплантируя подход В. Проппа на изучение порно, следует принимать во внимание и возможность структурирования типического порнографического сюжета. Если, по мнению В. Проппа, в сказке можно выделить постоянные и переменные элементы, то таковые, вероятно, имеют место в сюжете обычного, серийного порноролика, функции которого в современном обществе потребления, где доминирует массовая культура, вероятно, сравнимы со структурными элементами сказки как устной формы традиционной культуры, доминировавшей в архаичном и домодерном обществе.

Постоянными элементами сказки в традиционном понимании являются функции действующих лиц и последовательность совершаемых действий. Если в сказке герой имеет определенные функции, то в порно эти функции выполняет тело с различной сте-

пенью персонализации (Тетерюк, 2017). Что касается порно дискурса современной массовой культуры, бытующего и функционирующего в форме роликов, доступных для просмотра и скачивания на специализированных сайтах, то типичный порносюжет также развивается вокруг ограниченного набора лиц и тех действий, которые ими совершаются.

Если, по мнению В. Проппа (2000; 1928), в типичной сказке, как сегменте традиционной культуры, 1) функции действующих лиц устойчивы и постоянны, формируя основные составные элементы сюжета; 2) число таких функций ограничено; 3) последовательность функций стабильна, определена и известна заранее; 4) все сказки содержательно и структурно близки и однотипны; то в типичном порноролике мы также вынуждены констатировать постоянство функций, их стабильность и однотипность, банальность и предопределенность сюжета с некоторыми отличиями от сказки: в порнороликах, с одной стороны, действие, вовлеченность тела / тел в процесс, протекает в относительно знакомой реальности, в то время как в сказке эта реальность является воображаемой, а, с другой, число действий тела героя порноролика несравнимо меньше тех вариантов поведения, которые доступны героям сказки.

ПЁТР БОГАТЫРЕВ: ОТ СТРУКТУРЫ АРХАИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ К СТРУКТУРЕ ТЕЛЕСНОСТИ В ПОРНОДИСКУРСЕ

Анализируя роль и место тела / тел в типичном сюжете порнографических роликов, представляется уместным трансплантировать в изучение порно некоторые идеи П. Богатырева (Богатырев, 1971), который указывал на необходимость 1) изучения современного и актуального состояния фольклорной традиции; 2) анализ изменчивости «народного мировоззрения» в контекстах значимости тех или иных фольклорных фактов; 3) параллельное изучение фольклорных, этнографических и лингвистических фактов; 4) разделение фольклорного факта на элементарные единицы; 5) отказ от сравнительного анализа внешне похожих фактов различных фольклорных традиций.

Что касается анализа телесности в порно, то представляется актуальным рассмотреть именно современного состояния порнодискурса в контекстах постоянно изменяющихся ролей и функций тела, выполняющего функции как механического участия в совершаемом акте, так и вовлеченного в различные вербальные прак-

тики, связанные с коммуникацией. Поэтому, подобно фольклорным текстам, герои которых в зависимости от ситуации совершают бытовые или героические действия, герои порно также активно действуют, но оперируют почти исключительно собственными телами.

Примечательно, что механическая функция телесного участия сочетается с некоторыми вербальными практиками, которые, правда, практически всегда вторичны или даже второстепенны, так как основным индивидуальным или коллективным героем порнодискурса является именно тело. Анализируя тело в порно, вероятно, имеет смысл описывать телесность не только в индивидуальной перспективе, но и в коллективном измерении потому, что тело в современном порнодискурсе, как части массовой культуры общества потребления, постепенно утрачивает оригинальность и индивидуальность, неуклонно приближаясь к стереотипным потребительским представлениям о сексуализированном теле и его порнофицированной красоте.

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ ФИКСАЦИЯ ПОРНОФИЦИРОВАННОГО ТЕЛА

Презентация тела и телесности в современной порно-культуре имеет свою историю (Кирчанів, 2015). Генезис визуализации тела и телесности относится к числу дискуссионных вопросов в истории массовой культуры, но автор полагает, что первые шаги к институционализации телесности совпали с началом эпохи модерна, развитием печатных технологий и сокращением стоимости печати, что привело к началу массового выпуска относительно дешевых и, поэтому, доступных продуктов порнографического содержания.

На протяжении длительного времени именно подобная печатная продукция являлась основной формой, как визуализации обнаженной телесности, так и бытования, и функционирования порно в культурных и социальных пространствах общества XX века (Кирчанов, 2014). Примечательно и то, что формально капиталистические и демократические, с одной стороны, а также авторитарные коммунистические версии массовой культуры ассимилировали порнографические проявления и измерения телесности именно таким образом (Кирчанов, 2011). Порнографическая открытка стала частью как массовой культуры в целом, так и отдельных социальных субкультур, порожденных в результате ее прогресса и развития. В частности солдаты противоборствующих армий в период первой мировой войны были активными потребителями подоб-

ного культурного продукта, основанного на визуализации телесности. В период Второй мировой войны военнослужащие, вероятно, за исключением солдат Красной Армии (для которых порнографические открытки могли быть трофеем), также потребляли порнографические проявления тела и телесности, актуализированные и визуализированные в форме порнографических открыток.

После завершения Второй мировой войны в западных странах основной формой визуализации порнофицированной телесности стали «журналы для взрослых», которые, развиваясь как часть западного масс-культурного дискурса, были известны в СССР в гораздо меньшей степени, хотя в социалистической Югославии подобная продукция имела почти легальный характер, что свидетельствует об определенной степени универсальности тенденции визуализации тела и телесности в различных версиях культур массового потребления.

Подобная ситуация сохранялась, с одной стороны, до начала 1990-х годов, когда распад СССР приобщил постсоветские общества к традициям потребления различных форм порно. С другой стороны, монополия печатной визуализации порнофицированной телесности была оспорена к середине 1990-х годов, когда с развитием интернета визуализация телесности в «ламповых» и «аналоговых» формах начала развиваться в цифровом пространстве.

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ПОРНОГРАФИЧЕСКОЙ ФОТОГРАФИИ ТЕЛА

Порно-контент с началом распространения Интернета как нового пространства развития массовой культуры (Бикчурин, 2018; Стрельников, 2018), претендующего на универсальность, формировался в значительной степени в соответствии с теми законами спроса и логикой продвижения, что и печатная порнографическая открытка доцифровой «аналоговой» эры. Несмотря на это, виртуальное порно в итоге оказалось заложницей культуры политической корректности (Гавришко, 2020), что отразилось на визуализации тела. Поэтому в раннем интернете порнофицированная телесность (Гомілко, 2001) проявлялась через возможность просмотра, скачивания и сохранения фотографий порнографического содержания (Кирчанов, 2018). Низкая скорость Интернет-соединения в первые годы развития виртуальных технологий привела к тому, что распространение порнографических фильмов как формы

визуализации телесности, была осложнена и замедлена объективными технологическими ограничениями (Чміль & Корабльова, 2020).

Поэтому порнофильмы, доступные офлайн на видеокассетах формата VHS, в раннем интернете тиражировались в форме небольших фрагментов или фотографической раскадровки, актуализирующей тела в частности и телесность в целом. По мере развития интернета и увеличения скорости Интернет-соединения порнофицированная телесность в виртуальном пространстве стала проявляться в форме порнографических роликов (Дичковська & Пятківський, 2005), которые на современном этапе стали основной версией актуализации обнаженно порнофицированной телесности в Интернете как еще одном сегменте функционирования массовой культуры общества потребления.

МОРФОЛОГИЯ ОБЫЧНОЙ ПОРНОГРАФИЧЕСКОЙ ФОТОГРАФИИ ТЕЛА

Попытки порнофицированной фиксации телесности в целом актуализировали несколько особенностей порнографического воображения и изобретения тела. На этапе аналогового воображения тела функции действующих лиц, редуцированных до тел, на порнографических открытках были устойчивы и постоянны, формируя основные составные элементы сюжета, выстраиваемого и воображаемого уже потребителем-пользователем подобного контента. Кроме этого число таких функций тела, доступных на порнографических открытках, было также ограничено; а последовательность функций тела стабильна, определена и известна заранее. Поэтому все порнографические открытки, которые в той или иной степени визуализировали телесность, в аналоговой и / или цифровой форме содержательно и структурно были близки и даже однотипны.

ПОРНОФИЦИРОВАННАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ В ПРОФДЕЖДЕ И УНИФОРМЕ: ПОЛИЦЕЙСКИЙ, УЧИТЕЛЬНИЦА, ГОРНИЧНАЯ И Т.Д.

Когда мы анализируем визуализированные проявления коллективного тела в современном порнографическом дискурсе и, если мы в качестве основного источника будем использовать порноролики, доступные на многочисленных как легальных, так и пиратских сайтах (Albright, 2008), то, вероятно, первое, на что мы

обратим внимание, будет сюжет, основанный на постепенной актуализации различных форм биологической телесности.

Если мы в качестве источника используем легальный контент, а не редуцированные пиратские версии, то мы неизбежно будем иметь дело с определенным сюжетом, подчиненным логике развития порнодискурса. Если мы предполагаем, что функции действующих лиц типичного современного порноролика устойчивы и постоянны, формируя основные составные элементы сюжета, число таких функций максимально ограничено, а последовательность функций тела стабильна, определена и известна заранее, то особую роль в актуализации тел в частности и коллективной телесности в целом, подчеркивания их ролей и места в сюжетной линии будут играть внешние атрибуты необнаженной телесности или тела до момента его обнажения и редуцирования сюжета до симуляции и имитации полового акта.

Если функции действующих лиц устойчивы и постоянны, то попытки локализации тела во внешнем мире и системе социальных связей, могут быть сведены до нескольких ролей тела, включая учитель / ученица, учительница / ученик, сестра / брат, полицейский / задержанный, горничная / хозяин, мачеха / пасынок, отчим / приемная дочь, но эти роли являются внешними атрибутами, а дальнейшее развитие сюжета фактически нереально и фантастично, так как редукция и минимизация социальных и культурных ролей, отношений и коммуникаций в современном порноролике роднит его с волшебной сказкой в силу того, что и порноролик, и волшебная сказка не только ролевые в своей социальной природе, но и сказочно-фантастичны с точки зрения содержания и развития сюжета, так как социальные реальности общества таковые фактически исключают.

ПОРНОФИЦИРОВАННАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ ОБРЕТАЕТ ГОЛОС И ПРЕОДАЛЕВАЕТ КУЛЬТУРНУЮ НЕМОТУ

Телесность как явление современной массовой культуры общества потребления (Leickly, Nelson, & Simoni, 2017), интегрированная в современный порнодискурс и репрезентуемая в его рамках, не только успела стать глобальным, но и в определенной степени универсальным явлением (Horvath, 2017), но и отличается значительным формальным разнообразием, которое в большей степени склонно имитировать гетерогенность, нежели воспроизводить реальные культурные и социальные отличия. Порнофицированная

телесность может одновременно сочетать и немоту, и имитацию коммуникативных, вербальных практик. Традиционная порнографическая открытка нема, так как аналоговые воспроизведенные в массовых количествах типографическим способом порнографические изображения на бумажном носителе не в состоянии говорить и, как результат, коммуницировать с пользователем, хотя коммуникация потребителя и поставщика услуг стала системной характеристикой общества потребления. Порнодискурс перестал быть только визуальным, став вербальным в результате технологических изменений 1950–1960-х годов, когда на Западе получили распространение относительно доступные кинокамеры, которые позволяли записывать и впоследствии производить на аналоговых носителях не только изображение, но и звук.

Порнофицированная телесность заговорила сначала на европейских языках, а в 2000-е годы – и на русском. Логика развития порноролика в сюжетной перспективе, конечно, предусматривает вербальные коммуникации между героями до, во время и после непосредственно телесного контакта. Вместе с тем вербальные навыки и компетенции героев типичного порноролика могут быть, как крайне ограничены, так и весьма разнообразны – от развернутых диалогов до попыток донесения политического и идеологического меседжа (сообщения) до потребителей.

ПОРНО ЧЕРЕЗ KEYWORDING И SUMMARIZING: НАРРАТИВИЗАЦИЯ ТЕЛЕСНОСТИ И ТЕЛА В СОВРЕМЕННОМ ПОРНОДИСКУРСЕ

Анализируя проблемы виртуализации телесности в современном порнодискурсе общества потребления, мы должны принимать во внимание и упрощенность выполнения, и удовлетворения поисковых запросов пользователей как потребителей порно-контента. Известно, что одним из крупнейших порносайтов в современном Интернете является pornhub.com. Если пользоваться встроенным поиском и в качестве поискового запроса вводить запросы в той или иной степени соотносимые с телом / body, то поиск с использованием русского языка дает 358 видеороликов, а английского – 11 407 результатов.

Большинство описаний актуализирует почти исключительно женскую телесность в то время, как маскулинная телесность редуцируется до слова «х**», что, вероятно, связано с кругом потребителей порнографического контента в то время как нарративные и

дескриптивные практики, используемые при описании феминной телесности, гораздо разнообразнее. Систематизируя результаты таких поисковых запросов, нам следует обратить внимание на ряд факторов: русскоязычные запросы нередко сводят телесность к категории «тела» или актуализируют её отдельные характеристики, являющиеся преимущественно определениями – «идеальное тело», «милое тело», «возбуждающее тело», «восхитительное тело», «стройное тело», «голое тело», «офигенное тело», «горячее тело», «сексуальное тело».

В ряде случаев краткие аннотации сюжетов порнороликов, в которых фигурируют «прекрасное арабское тело» или упоминания национальной («русская», «чешская», «немецкая» и т.п.) или религиозной принадлежности, актуализируют и факторы этнической или религиозной идентичности. Кроме этого аннотации к порнороликам актуализируют естественность («sexu natural big tits», «enchanted big natural boobs», «с большими натуральными сиськами», «с большой натуральной грудью») и искусственность тела, редуцированного до его отдельных частей.

Поисковые запросы визуализируют отдельные проявления телесности и возможные действия сексуального характера, совершаемые с «телом», или которые могут совершаться одним «телом» или двумя, тремя и более. В современном порнографическом интернет-дискурсе «тело» может «кончать», «удовлетворять» (себя или других участников, минимизированных до внешних и деперсонифицированных проявлений телесности), «раздеваться», «выставлять на показ» (тело). Как правило, в англоязычных результатах запросов действия тела и действия с телом минимизируются и редуцируются до «f*****» или в русскоязычных запросах до процесса, в рамках которого один участник ролика «е***» свою партнершу / партнерш.

В ряде случаев результаты поисковых запросов указывают на принадлежность – «свое», «её», «мое» тело. Другие запросы актуализируют возможные действия в отношении тела, включая «проигрыш», но, как правило, возможные формы взаимодействия тел героев порноролика сводятся к сексуальному контакту, фигурирующего в разных определениях, включая «показ», «долбёжка». Примечательно и то, что в русских описаниях содержания и сюжетов порнороликов может использоваться ненормативная лексика. Поэтому тела, которые периодически «кончают», в современном порнографическом гранд-дискурсе не только «ласкают», «т*****», но и «е**т».

В целом, в рассмотренных нами случаях описание сюжета порнороликов проводилось на русском или английском языке, но структура некоторых формально русских описаний, стилистические и грамматические особенности этих своеобразных аннотаций и ключевых слов свидетельствуют о том, что оригинально они были англоязычными и только позднее были переведены на русский язык автоматически, чем можно объяснить и появление ролей и ролевых характеристик, несвойственных для русского языка или чуждых для него, включая, например, «шаг сестра», «шаг брат» (появившиеся в результате некорректного перевода терминов «step sister» и «step brother») или «милфа».

КАК ПОРНОФИЦИРОВАННАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ ИМИТИРУЕТ И СИМУЛИРУЕТ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Порнофицированная телесность в современной массовой культуре, которая мигрировала из традиционной культуры в пространство Интернета (Maas & Dewey, 2018), отличается значительной гетерогенностью с точки зрения культурной и этнической, а также религиозной идентичностей. Кроме этого, как проявления телесности в визуальных культурах, так и сама телесность в ее социальных и культурных идентичностях может быть отягощена более ранним опытом актуализации тела (Cash, 2002) – различными стереотипами и мифами, формальными и неформальными правилами и нормами, как позиционирования собственного, так и коллективного тела, а также потребления телесности – не только сексуально, но и культурно. С формальной точки зрения, принимая во внимание специфику порнографического дискурса этнические особенности тел, должны иметь второстепенное значение в силу того, что представители общества потребления, скачивая, используя порно контент склонны следить за действием типичного порнографического ролика, хотя он не отличается оригинальностью.

Анализируя визуальные характеристики телесности в порно, мы должны принимать во внимание и то, что современный порно дискурс в значительной степени склонен к имитации и симуляции этнических, культурных и частично расовых характеристик. Поэтому выходцы из постсоветской Средней Азии могут играть роли, связанные с визуализацией азиатской (тайской) телесности (Сабакин, 2012), а актрисы латиноамериканского происхождения симулируют восточную телесность в силу объективного дефицита

на актрис арабского происхождения в порноиндустрии. С формальной точки зрения, сюжеты современного порнодискурса могут быть систематизированы по антропологическим характеристикам тел участников.

Поэтому, мы можем разделить и классифицировать проявления порнифицированной телесности по расовому признаку, но в этой ситуации мы, с одной стороны, обречены повторить и воспроизвести структуру каталогов, представленных на большинстве порносайтов, а, с другой, типологизируя тела и определяя их расовость и этничность как европейскую, арабскую, африканскую, японскую, мы, тем самым, превращаем порнодискурс в продолжение культурного расизма или, отрицая эти типологии, переносим на него категории и характеристики политической корректности. С точки зрения структуры порноролика, который формирует его сюжет, симулируя и имитируя событийность, внешние (расовые, этнические и культурные) характеристики тел вторичны, так как телесность в современном порнографическом дискурсе подчинена общей логике развития жанра, связанным с тем, что порно в современном обществе потребления стало его важным экономическим сегментом.

ПОРНОКУЛЬТУРА КАК ЗАКОНОМЕРНОЕ РАЗВИТИЕ ПОЗИТИВИЗМА: КЛАССИФИЦИРУЯ ТЕЛА, ТИПОЛОГИЗИРУЯ ТЕЛЕСНОСТЬ

Автор этой статьи выше констатировал, что считает возможным сравнение порноролика и сказки, так как они в значительной степени если не идентичны, то близки по своим функциям в традиционном обществе, с одной стороны, и постсовременной ситуации массового общества потребления, с другой. В данном контексте логично и повторить некоторые предположения В. Проппа (1928), полагавшего, что сюжет сказки отличается и характеризуется постоянными элементами, функции герои сказки, равно как и ее герои, типичны, а число таких функций, в свою очередь, ограничено, а их последовательность одинакова и подчиняется определенной логике.

В этой ситуации серийность и однообразность элементов, которые формируют современный масс-культурный дискурс общества потребления, исторически коренятся в более ранних культурных традициях, включая архаичные, домодерные и традиционные культурные формы (Bogatyrev, 1940). Кроме этого, герои

большинства сказок обладают категорией физической телесности, а некоторые сказки акцентируют внимание именно на последней, хотя в этой ситуации нельзя исключать и того, что мы имеем дело с романтическими, реалистическими или вовсе постмодернистскими стилизациями под сказку, ее имитациями и симуляциями. Если автор выше предположил, что в современной масс-культуре порноролики сродни сказкам в целом и волшебным сказкам в частности (В. Пропп, 2000), то можем ли мы проанализировать роли, функции и предназначения тела / тел героев в контекстах развития сюжета?

Если мы воспринимаем современных порнографов как наследников позитивизма, то каталоги роликов, существующие на большинстве сайтов для взрослых, в определенной степени упрощают изучение репрезентативности тела / телесности в порнокультуре. Если администраторы порноресурсов, как правило, типологизируют свой контент на несколько видов роликов, включая «Японцы», «Зрелые», «Любители», «Мамочки», «Лесбиянки», «Мулаты», «Большая грудь», «Втроем», то логично, вероятно, предположить, что визуализация телесности подчинена репрезентации тех характеристик, которые стали критерием для их выделения в качестве отдельной категории.

В этой ситуации, правда, становится заметным отход от логики классического позитивизма, так как типология контента современной порнокультуры, представленная на ресурсах для взрослых, не совсем логична, ведь в рамках одной классификации представлены разные группы сюжетов, связанных с телом, которые могут актуализировать его национальные / этнические особенности («Японцы», «Азиатки», «Мулаты», «Черные», «Немецкое», «Русское»), внешние формальные характеристики («Большая грудь», «Маленькая грудь»), социальные и культурные статусы («Инцест», «Студентки», «Няни») и стратегии поведения («Кастинги»).

Несмотря на формальную разнообразность, сюжеты большинства роликов едины, структурированы и не очень разнообразны, что роднит порноконтент современной массовой культуры с его исторической предшественницей, представленной сказочной культурой традиционных и домодерных обществ. Если сказка актуализировала внимание на тех или иных социальных и культурных качествах героев (зло, доброта, коварство, честность, верность, измена), то современные порноролики, как визуализированные сказки для взрослых (сказки в силу того, что большинство сюжетных ситуаций фантастичны в силу своей нереальности)

склонны визуализировать порнофицированную телесность в целом или ее отдельные формы и проявления в частности.

ОТ НАЦИОНАЛИЗМА К ПОРНО: МАССОВАЯ КУЛЬТУРА ГЛАЗАМИ ИНОПЛАНЕТНОГО АНТРОПОЛОГА

В этом контексте уместно в изучение порно трансплантировать идею, высказанную Э. Хобсбаумом, который в «Нациях и национализме после 1780 года» предположил, что «однажды на нашу безжизненную после ядерной войны планету прибудет некий инопланетный историк с целью выяснить причины катастрофы... он или она... обратится к земным архивам и книгохранилищам... поработав некоторое время... наш исследователь решит, что последние двести лет в земной истории совершенно неясны, если не понять смысл термина “нация” и его производных» (Hobsbawm, 1991).

Несколько развивая предположение Э. Хобсбаума, логично предположить, что инопланетные антропологи смогут реанимировать серверы, хранящие содержание современного интернета, и заметят, что на протяжении 21 века в жизни цивилизации присутствовало такое явление как порно. Изучив порно как часть культуры, внеземной антрополог, с одной стороны, сможет сформировать (пусть и не совсем верное) представление не только об особенностях, как размножения людей, так и их анатомического строения, но и расовом и национальном составе населения, особенностях религии и системы образования и здравоохранении, о социальных и культурных ролях, а также об иерархии, принуждении и подчинении. Кроме этого, ознакомление с порнороликами могло бы сформировать у инопланетного культурного антрополога и не совсем верные представления о социальном предназначении тела и телесности в рамках массовой культуры земной цивилизации эпохи ее упадка, заката и неизбежного падения.

ТРУДНОСТИ КОММУНИКАЦИИ ИЛИ МОРФОЛОГИЯ ТИПИЧНОГО ПОРНО: ТЕЛА ВЗАИМОДЕЙСТВУЮТ...

Выше автор констатировал серийность контента современной массовой культуры в ее порно-сегменте, что ставит вопрос о наличии или отсутствии у порно сюжета в контекстах визуализации тела в частности и телесности в целом. Если анализировать порноролики, как формы сказки современного общества потребления, то их композиция и внутренняя структура не очень оригинальна.

Если в качестве объектов анализа выбрать ролики продолжительностью от 10 до 20 минут, то их структура типична, открываясь неким введением в сюжет, которое содержит большую часть диалогов, фактически будучи формой культурной, социальной и гендерной коммуникации. В дальнейшем коммуникация сменяется формой телесного взаимодействия, которое подчинено логике визуализации тела и телесности через последовательную смену используемых поз и позиций. Порноролик, как правило, завершается реализацией физических потребностей представленного тела / тел, что обесценивает дальнейшую вербальную коммуникацию, фактически маргинализируя ее и делая ее ненужной.

Проблема в том, что большинство пользователей «проматывают» обычный порноролик вперед, к началу физического взаимодействия тел, что фактически анонимизирует тела героев, интегрируя их в массовую культуру, так как политический / идеологический месседж (сообщение), который, как правило, содержится в той части, которая предшествует имитации и симуляции полового акта, остается и незамеченной и невостребованной. Поэтому многие потребители культуры для взрослых, вероятно, могут и не знать, что порно актуализировало свои вербальные и оральные (в смысле – разговорные) компетенции, заговорив, в том числе, и по-русски.

ТЕЛО ГОВОРIT: «СРАМНОЕ» И ПОЛИТИЧЕСКОЕ В ВЕРБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПОРНО

Итак, мы констатировали, что сюжет обычного, серийного, порноролика типичен и в этой ситуации схематичен, а, с другой, высказали предположение, что порно, заговорив по-русски, в определенной степени изменилось, как минимум – в том сегменте рынка и массовой культуры, где сосредоточены потребительские интересы русскоязычных пользователей Интернета. Герои бытовой и волшебной сказки говорят с читателями посредством языка и художественных приемов, которые использовали их создатели – писатели и прочие интеллектуалы. Герои современного типичного порноролика свободны от этих формальных ограничений. Они вольны говорить с потребителями сами и самостоятельно, сами записывая видео, сами составляя сценарии и сами выкладывая полученные ролики интернет. Поэтому тело и тела в современном порнографиче-

ческом ролике коммуницируют не только физически, но и вербально.

В качестве примеров вербализации тела и телесности или того, как порно заговорило по-русски рассмотрим некоторые ролики порноактрисы российского происхождения, известной, например, на «Pornhub» под именем Lolly_lips.

Вербальное измерение порнороликов с участием Lolly_lips в одинаковой степени актуализирует тенденции как к вербализации порно, так и к транслированию через порноконтент политического и идеологического меседжа, посылаемого в видео, которые фактически актуализируют порнофицированную телесность. В этом контексте, например, показательные ролики «Расследования с Lolly_lips: пожары в Сибири», «Майор Доигралесс в***** налогового инспектора» и «Интервью с депутатом Скотного двора Джордж Оруэлл» с персонажами «депутат ЕдРа Порешалова», «депутат О.Н. С*****» и аллюзиями на российскую политическую оппозицию, которые актуализируют фобии и комплексы российского общества от китайской угрозы («Доигралесс лох. Крым ваш. Сибирь наш») до коррупции.

Если сравнивать социальные ниши, занимаемые порнороликами в современном обществе потребления, то они сродни тем культурным пространствам, в которых в домодерном и раннемодерном обществе доминировали «срамные» или «заветные» сказки (Афанасьев, 1994; Берестнев, 2003; Никольский, 2019), которые актуализировали сексуальность, маргинализируемые в традиционном и религиозноцентричном обществе. Диалоги между актерами и актрисами порно, которые актуализируют телесность, отличаются тем, что процесс вербальной и физической коммуникации нередко заставляет звучать лексику, традиционно относимую в русском языке к мату, что в определенной степени его обесценивает.

Приведем несколько примеров, которые иллюстрируют визуализацию и актуализацию телесности в контекстах применения табуированной / ненормативной лексики. В ролике, известном как «Греческая богиня Lolly_lips создает ***** и сосет» ненормативная лексика звучит относительно часто: «Дрочинос, что у нас там в мире происходит?... Планета процветает, появляются новые технологии, люди живут в согласии и любви... Это с х** ли?... Будем раздавать п*****... мне кажется, что я что-то забыла. Принесите-ка мне д*****.... б*****... все в Россию высыпалось... ладно, добавлю им ресурсов... давайте им ***** организуем, пусть он их п*****». В другом ролике «COVID-19: русская медицина» порно-

фицированное тело становится источником политической сатиры: «Алло. Это скорая?... приедьте пожалуйста, температура под сорок, кашель.... Была ли я за границей? Вчера за МКАД выезжала... Скорую вызывали?... По ходу какие симптомы?.... Похоже подозрение на коронавирус... Это страшная х****».

В этом контексте некоторые порноролики современного российского интернета, которые имеют сценарий и четко прописанные роли персонажей, постепенно, правда, редуцируемых до тел, вовлеченных в половой акт, имеют некоторые общие особенности с русскими «срамными сказками», так как, с одной стороны, актуализируют сексуальность, а, с другой, не чужды и определенного политического и идеологического содержания.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Анализируя проблемы визуализации тела и телесности в современном порнографическом дискурсе, во внимание следует принимать ряд факторов. Во-первых, тело в современном порно перестало быть молчаливым актором, став участником коммуникации. Во-вторых, телесность в порнодискурсе становится источником политического и идеологического месседжа, хотя большинство современных порнороликов однотипны по своему внутреннему строению, не отличаются оригинальностью в содержании, то есть практически все порноролики актуализируют одинаковые функции. В-третьих, тактики и стратегии поведения и действия тел в современном порно стали фактически постоянными и устойчивыми элементами.

В-четвертых, функции тел в порнодискурсе современной массовой культуры становятся обезличенными, так как они перестают зависеть от того, кем, где и как они выполняются. В-шестых, функции телесности в порно становятся все более ограниченными – поэтому, потребителю знаком конечный результат действий тела, так как они неуникальны, типичны и характерны для других порнороликов, формирующих большой порнодискурс.

В этой ситуации последовательность действий тела не только всегда или практически всегда одинакова, но и ограничена даже несмотря на то, что порноролики в современной массовой культуре общества потребления могут быть не только анонимными, но и намеренно спродюсированными и срежиссированными – в этом контексте порно актуализирует отличия от своих архаичных соци-

альных прародин, скрытых в недрах архаичных и традиционных культур.

Порнодискурс в тех случаях, когда он визуализирует тело и телесность, утрачивает уникальность, мутируя в сегмент серийной и массовой культуры, хотя «уникальность» для культуры общества потребления принадлежит к числу условных категорий, которые утрачивают свое значение в виртуальном и цифровом обществе, так как в архаичном и раннемодерном социумах, как «аналоговых» типах организации, гетерогенность и уникальность культурных практик была визуализирована в большей степени.

Поэтому тело в современном масскультурном дискурсе порно становится телом-конструктом, что усложняет идентификацию тела натурального и естественного и его антипода – тела искусственного и пластически измененного, улучшенного в соответствии с канонами и стереотипами того, что является красивым и привлекательным в обществе потребления. Репрезентация телесности в современном порнодискурсе оказалась в значительной степени подверженной иерархизации и субординации – в этом контексте порно стало сферой или победившего феминизма или, наоборот, подчиненной феминности.

Основным телом-героем в порно является женское тело. Порно ассоциируется или индивидуализируется именно через женскую телесность, так как актеры-мужчины, как правило, анонимны, в то время как только женское тело поименовано. Именно женские тела, формирующие гранд-дискурс телесности в порносегменте массовой культуры, искусственно классифицируются по размеру груди и талии, наличию имплантов, национальной и расовой принадлежности в то время как тело-мужчина не более чем второстепенный актер. В этой ситуации современный порнограф, с одной стороны, классический наследник и продолжатель позитивизма в своей склонности к классификации тел, а, с другой, порнограф – капиталист и участник рынка, воспринимающий телесность как источник прибыли.

Современный порнограф – наследник позитивиста-классификатора в его страсти использовать ярлыки и клише для определения идентичности тел героя. Как правило, подобные ярлыки прозрачны, наивны и примитивны: если тело одето в хиджаб, то это тело условной мусульманки, если же телесность облачена в форму, то порноролик будет попыткой актуализации иерархического характера отношений героев, идентичность которых редуцируется до телесности. В этом контексте порнодискурс становится механизмом

культурной унификации – европейский, афроамериканские и азиатские тела призваны соответствовать определенным в значительной степени стереотипизированным представлениям о телесности, что размывает естественные биологические границы между расами, превращая их в преодолимый фронт.

Таким образом, если искусственно созданные, то есть написанные поэтами, писателями и прочими интеллектуалами, сказки не подчинены последовательности функций, то в порнороликах в тех случаях, когда нам известны имена режиссёров и актеров, действия тел героев и общая (ре)презентация телесности подчинены последовательности функций. В целом, дальнейшие перспективы развития и репрезентации телесности в порнодискурсе современной массовой культуры остаются неопределёнными, хотя нельзя исключать и того, что включенность тела в сюжет в будущем будет зависеть от выбора и предпочтений потребителей, дистанционно определяя поведения и действия героев в порно как персонажей в сфере компьютерных игр.

Список литературы

- Albright, J. M. (2008). Sex in America Online: An Exploration of Sex, Marital Status, and Sexual Identity in Internet Sex Seeking and Its Impacts. *Journal of Sex Research*, 45(2), 175–186. doi: 10.1080/00224490801987481
- Bogatyrev, P. (1940). *Lidové divadlo Česká a slovenské* (Vol. 4). Praha: Borový – Národopisná společnost československá. (In Czech)
- Cash, T. (2002). A “negative body image”: Evaluating epidemiological evidence. In T. Cash & T. Pruzinsky (Eds.), *Body image: A handbook of theory, research, and clinical practice* (pp. 269–276). New York: Guilford Press.
- Duggan, S. J., & McCreary, D. R. (2004). Body Image, Eating Disorders, and the Drive for Muscularity in Gay and Heterosexual Men: The Influence of Media Images. *Journal of Homosexuality*, 47(3–4), 45–58. doi: 10.1300/J082v47n03_03
- Hald, G. M., Smolenski, D., & Rosser, B. R. S. (2013). Perceived Effects of Sexually Explicit Media among Men Who Have Sex with Men and Psychometric Properties of the Pornography Consumption Effects Scale (PCES). *The Journal of Sexual Medicine*, 10(3), 757–767. doi: 10.1111/j.1743-6109.2012.02988.x
- Hobsbawm, E. J. (1991). *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge University Press.
- Horvath, M. (2017). “Basically... Porn is everywhere”. *A Rapid Evidence Assessment on the Effects that Access and Exposure to Pornography has on Children and Young People*. London: University of Bedfordshire – University of Kent – CCC University. Retrieved from https://www.mdx.ac.uk/_data/assets/pdf_file/0026/48545/BasicallyporniseverywhereReport.pdf

- Laqueur, T. W. (1990). *Making Sex: Body and Gender from the Greeks to Freud*. Harvard University Press.
- Leickly, E., Nelson, K., & Simoni, J. (2017). Sexually Explicit Online Media, Body Satisfaction, and Partner Expectations Among Men who have Sex with Men: A Qualitative Study. *Sexuality Research and Social Policy*, 14(3), 270–274. doi: 10.1007/s13178-016-0248-7
- Maas, M. K., & Dewey, S. (2018). Internet Pornography Use Among Collegiate Women: Gender Attitudes, Body Monitoring, and Sexual Behavior. *SAGE Open*, 8(2), 215824401878664. doi: 10.1177/2158244018786640
- Афанасьев, А. Н. (1994). *Русские заветные сказки*. Санкт-Петербург: ТОО 'Бланка'.
- Батлер, Д. (2003). *Гендерний клоніт. Фемінізм та підриє тожсамості*. Київ: Ентіс. (На українському).
- Берестнев, Г. (2003). Современный русский эротический анекдот и 'заветные сказки': Черты жанровой идеологии. *Балтийский Филологический Курьер*, (3), 138–152.
- Бикчурин, Д. (2018). «Порно—Это протез воображения и его провокатор». Интервью с профессором НИУ ВШЭ и культурологом Яном Левченко. Retrieved from Discours website: <https://discours.io/articles/social/porno-eto-protez-voobrazheniya-i-ego-provokator-intervyu-s-professorom-niu-vshe-i-kulturologom-yanom-levchenko>
- Богатырев, П. (1971). *Вопросы теории народного искусства*. Москва: Искусство.
- Никольский, Е. В. (2019). Жанровое своеобразие и связь с народной прозой сказки А. С. Пушкина «Царь Никита и его сорок дочерей». *Studia Humanitatis*, (4). Retrieved from <http://st-hum.ru/content/nikolskiy-ev-zhanrovoe-svoeobrazie-i-svyaz-s-narodnoy-prozoy-skazki-pushkina-car-nikita-i>
- Гавришко, М. (2020, June 30). Сексуальні стереотипи про чорношкірих, гендер і (анти)расизм. *Korydor | журнал про сучасну культуру*. Retrieved from <http://www.korydor.in.ua/ua/stories/seksualni-stereotypy-pro-chornoshkirikh-hender-i-anty-rasyzm.html> (На українському).
- Гомілко, О. (2001). *Метафізика тілесності. Дослідження, роздуми, екскурси*. Київ: Наукова думка. (На українському).
- Дичковська, Г., & Пятківський, Р. (2005). Формування мети діяльності та феномен сакралізації. *Соціальна Психологія*, (2), 10. (На українському).
- Кирчанів, М. (2015). Чи має порно своє культурне "тіло": До питання про розмивання тілесності і віртуалізацію сучасної "культури для дорослих". In М. Варикаша (Ed.), *Тіло як вистава: Мистецькі проєкції*. Бердянськ: О.В. Ткачук. (На українському).
- Кирчанов, М. (2018). *Воображая порно: Порно-шик, порно-шок, потребление*. Воронеж: Издательство "Ритм".
- Кирчанов, М. В. (2011). *Другая культура: История культуры для взрослых*. Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing.

- Кирчанов, М. В. (2014). *От порно-шика к порно-шоку: Проблемы интеллектуальной истории 'культуры для взрослых'*. Воронеж: Издательство 'Кварт'. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27473650>
- Логвиненко, Б. (2016). *Saint Porno. Історія про кіно і тіло*. Family Leisure Club. (На українском).
- Пропп, В. (2000). *Исторические корни волшебной сказки*. Лабиринт.
- Пропп, В. (1928). *Морфология сказки*. Academia.
- Сабакин, Г. (2012). Как снимают порно. Retrieved from Проза.ру website: <https://proza.ru/2012/11/11/34>
- Стрельников, С. (2018). Порно как зеркало души. Retrieved 21 December 2020, from Discours website: <https://discours.io/articles/social/porno-kak-zerkalo-dushi>
- Тетерюк, М. (2017). Між дискурсом і матерією: Переосмислення тіла у квір-дослідженнях. *Гендер в деталях*. Retrieved from: <https://genderindetail.org.ua/season-topic/tema-sezonu/mizh-diskursom-i-materieyu-pereosmisleniya-tila-u-kvir-doslidzhenniyah-134304.html> (На українском).
- Чміль, Г. П., & Корабльова, Н. С. (2020). Тіло як реальність у знаковій системі екранної культури та сексуальність як її ідеологія. *Культурологічна Думка*, (17), 19–44. (На українском).
- Ярошовець, В. І. (Ed.). (2005). *Тіло. Історія філософії. Словник*. Київ: Знання України. (На українском).

References

- Afanasyev, A. N. (1994). *Russian cherished tales*. St. Petersburg: Blanka Publisher – Bojanych Publisher. (In Russian).
- Albright, J. M. (2008). Sex in America Online: An Exploration of Sex, Marital Status, and Sexual Identity in Internet Sex Seeking and Its Impacts. *Journal of Sex Research*, 45(2), 175–186. doi: 10.1080/00224490801987481
- Berestnev, G. (2003). A modern Russian erotic anecdote and “cherished tales”: features of genre ideology. *Baltic Philological Courier*, (3), 138–152. (In Russian).
- Bikchurin, D. (2018). “Porn is a prosthesis of the imagination and its provocateur”. Interview with Jan Levchenko, professor at the HSE and cultural scholar. Retrieved from Discours website: <https://discours.io/articles/social/porno-eto-protez-voobrazheniya-i-ego-provokator-intervyu-s-professorom-niu-vshe-i-kulturologom-yanom-levchenko> (In Russian).
- Bogatyrev, P. (1940). *Lidové divadlo Česká a slovenské* (Vol. 4). Praha: Borový – Národopisná společnost československá. (In Czech)
- Bogatyryov, P. (1971). *Questions of the theory of folk art*. Moscow: Art. (In Russian).
- Butler, D. (2003). *Gender concern. Feminism and the undermining of identity*. Kyiv: Entis. (In Ukrainian).

- Cash, T. (2002). A “negative body image”: Evaluating epidemiological evidence. In T. Cash & T. Pruzinsky (Eds.), *Body image: A handbook of theory, research, and clinical practice* (pp. 269–276). New York: Guilford Press.
- Chmil, H. P., & Korablyova, N. S. (2020). Body as reality in the sign system of screen culture and sexuality as its ideology. *Cultural Thought*, (17), 19–44. (In Ukrainian).
- Duggan, S. J., & McCreary, D. R. (2004). Body Image, Eating Disorders, and the Drive for Muscularity in Gay and Heterosexual Men: The Influence of Media Images. *Journal of Homosexuality*, 47(3–4), 45–58. doi: 10.1300/J082v47n03_03
- Dychkovska, G., & Pjatkivskyj, R. (2005). Formation of the purpose of activity and the phenomenon of sacralisation. *Social psychology*, (2), 10. (In Ukrainian).
- Hald, G. M., Smolenski, D., & Rosser, B. R. S. (2013). Perceived Effects of Sexually Explicit Media among Men Who Have Sex with Men and Psychometric Properties of the Pornography Consumption Effects Scale (PCES). *The Journal of Sexual Medicine*, 10(3), 757–767. doi: 10.1111/j.1743-6109.2012.02988.x
- Havryshko, M. (2020, June 30). Sexual stereotypes about blacks, gender and (anti) racism. *Corridor. Journal of modern culture*. Retrieved, from: <http://www.korydor.in.ua/ua/stories/seksualni-stereotypy-pro-chornoshkirykh-hender-i-anty-rasyzm.html> (In Ukrainian).
- Hobsbawm, E. J. (1991). *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge University Press.
- Homilko, O. (2001). *Metaphysics of corporeality. Research, reflections, excursions*. Kyiv: Scientific opinion. (In Ukrainian).
- Horvath, M. (2017). “Basically... Porn is everywhere”. *A Rapid Evidence Assessment on the Effects that Access and Exposure to Pornography has on Children and Young People*. London: University of Bedfordshire – University of Kent – CCC University. Retrieved from https://www.mdx.ac.uk/__data/assets/pdf_file/0026/48545/BasicallyporniseverywhereReport.pdf
- Kirchanov, M. (2011). *Another culture: a history of adult culture (short essay)*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. (In Russian).
- Kirchanov, M. (2014). *From porn-chic to porn-shock: problems of the intellectual history of “adult culture”*. Voronezh: Quarta Publisher. (In Russian).
- Kirchanov, M. (2018). *Imagining porn: porn chic, porn shock, consumerism*. Voronezh: Ritm Publisher. (In Russian).
- Kyrchaniv, M. (2015). Does porn have its own cultural “body”: the question of corrosion of the body and the virtualization of modern “adult culture”. In M. Varykasha (Ed.), *The body as a performance: artistic projections*. Berdiansk: O.V. Tkachuk Publisher. (In Ukrainian).
- Laqueur, T. W. (1990). *Making Sex: Body and Gender from the Greeks to Freud*. Harvard University Press.
- Leickly, E., Nelson, K., & Simoni, J. (2017). Sexually Explicit Online Media, Body Satisfaction, and Partner Expectations Among Men who have Sex with Men: A Qualitative Study. *Sexuality Research and Social Policy*, 14(3), 270–274. doi: 10.1007/s13178-016-0248-7

- Logvynenko, B. (2016). *Saint Porno. A story about cinema and the body*. Family Leisure Club. (In Ukrainian).
- Maas, M. K., & Dewey, S. (2018). Internet Pornography Use Among Collegiate Women: Gender Attitudes, Body Monitoring, and Sexual Behavior. *SAGE Open*, 8(2), 215824401878664. doi: 10.1177/2158244018786640
- Nikolskij, E. V. (2019). Genre originality and connection with folk prose of A.S. Pushkin's "Tsar Nikita and His Forty Daughters". *Studia Humanitatis*, (4). Retrieved from <http://st-hum.ru/content/nikolskiy-ev-zhanrovoe-svoeobrazie-i-svyaz-s-narodnoy-prozoy-skazki-pushkina-car-nikita-i> (In Russian).
- Propp, V. (1928). *Morphology of the tale*. Academia. (In Russian).
- Propp, V. (2000). *The historical roots of the fairy tale*. Moscow: Labyrinth. (In Russian).
- Sabakin, G. (2012). How porn is filmed. Retrieved from Proza.ru website: <https://proza.ru/2012/11/11/34> (In Russian).
- Strelnikov, S. (2018). Porn is like a mirror of the soul. Retrieved from Discours website: <https://discours.io/articles/social/porno-kak-zerkalo-dushi> (In Russian).
- Teteriuk, M. (2017). Between discourse and matter: rethinking the body in queer research. *Gender in detail*. Retrieved from: <https://genderindetail.org.ua/season-topic/tema-sezonu/mizh-diskursom-i-materiyu-pereosmislennya-tila-u-kvir-doslidzhenniah-134304.html> (In Ukrainian).
- Yaroshovets, V. (Ed.). (2005). *Body. History of philosophy. Dictionary*. Kyiv: Knowledge of Ukraine. (In Ukrainian).